

П О Э З И Я

Константин КРАВЦОВ

Родился в 1963 г. в Салехарде. Окончил Нижнетагильское художественное училище, затем Литературный институт им. А. М. Горького. В 1999 г. в Воскресенском соборе г. Тутаева принял сан священника. Служил в храмах Ярославля, Подмосковья. В настоящее время клирик московского храма Благовещения Пресвятой Богородицы, что в Петровском парке. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Интерпоэзия» и др., а также в антологиях «Русская поэзия. XX век», «Нестоличная литература», «Современная литература народов России», «Наше время» и др.

Автор четырех книг, вышедших в столице: «Приношение» (1998), «Январь» (2002), «Парастас» (2005), «Аварийное освещение» (2010). Лауреат премии им. С. А. Есенина, лауреат III Филаретовского конкурса христианской поэзии в Интернете (2003).

Член Союза российских писателей.

«Немое возможно»

Улица

Отлетали души от деревьев
Плавала вечерняя зола
Улица с открытыми глазами
В обозримом воздухе спала

Отлетали души от деревьев
Плавала вечерняя зола
И меня к невидимым деревьям
Глаз не отводившая звала

Церковь на трамвайном кольце в Мукомольном переулке

Ангел-хранитель больниц и гимназий,
Севера ветреные хризантемы,
Чаять ли праздника? Ждать ли okazji?
Рельсы по воздуху тянутся, где мы...

Кто это мы? Просто Лазари-сидни
Прах на спирту, отморозки и лохи,
Спим на ступенях и лестницы — сини

Возобновление трапез, и крохи
Падают псам, и смыкает все звенья
Город в посмертных промоинах зренья

Ярославль, март 2003

Патриаршие пруды

А снег, он летит как сквозь купол разверстый —
Беспутный наш снег, разрывающий нити,
Что сплел паучок-письмоносец за лето:
Обрывки, одни лишь обрывки повсюду,
Но длится венчанье: немое *возможно*
Присутствует вместо *аминь* в твоей праздной,
Как снег, болтовне на Прудах Патриарших

Пустынна Москва, и лишь клюшек удары
С катка, лишь сырые обрывки повсюду,
И прожектора, и кружение снега

Царство твое

Подем к выцветшей церкви в ночи добреду,
И кивнет иерей с соли, как войду
Под всеобщие своды ее на правож

Захрипит смертным хрипом старушечий хор,
Жухлых красок по стенам бездарный костер,

Тьма над бездной давно, все безумны, и все ж —
Это Царство Твое, это Царство Твое
Овчий двор. И не будет другого двора

Снег в расхристанном поле хоронит жнивье,
Словно всюду рассыпан талант серебра

Re-Ligio

Что сказать мне о жизни?

И. Бродский

Зрения створки промытые
И не нарядный, из хвои, вертеп,
А сама та пещера, ясли, пленки

Не софринский фимиам —
Алавастровый твой флакон,
Повивальная тьма, твои слезы, Мария

Альтернативное кладбище в Бер-Шеве, на Святой земле

Денису Новикову

В той проруби уключины, ключицы,
Твой жертвенник, который *самопал*,
И никакая тварь не отлучит нас,
Как римлянам тарсянин написал

И снег стоит Кириллицей при дверех,
А на дворе мороз, мороз и сон,
И в нем — крюки и петли, но не верю:
Все той же веткой образ осенен

Поэзия должна быть глуповата

Та амфора пытливой самарянки,
Кувшин ли просто... Господом хранима,
Бежит вода, чиста после огранки,
И облако белеет нестерпимо

Бежит вода, чиста после огранки,
В пространстве золотом, идущем мимо,
А водоносы, амфоры ли, склянки...

В пространстве золотом, идущем мимо,
Бежит вода, чиста после огранки,
И облако белеет нестерпимо
Над рынком, забытьем автостоянки,
Над блокпостами Иерусалима

Памяти отца

Полуденный мне снится окоем
И нашей лодки на Оби прозрачный дом

Олифлю крест в сторонне-праздничном саду:
На славу крест, отец, я глаз не отведу

Промерзшим крестным садом — берега
И явь солнцена начальная строга

Ты снова на земле меня родил,
Сам невредимым сделавшись, отец

Я вижу нашу лодку-кораблец,
Лучей непрогибаемый настил...

Рождение воздуха

Памяти Эндрю Уайета

Оттепель явит мертвых
Трав зазеркалье, волны,
Волны и пух над ними, борозды океана,

Выпростал руки спящий из льдины, ветер
Сеет зеленую соль в солнечные лабиринты

Ныне Ты отпускаешь раба Твоего, Владыко,
Ибо видели очи мои довольно травинок,
Утренников и проталин, а эти пятна
Рыжих волос, и то, как ложился
Луч на лодыжку, переливался бисер
Воды на снопе пшеничном

Раб Твой исполнен днями и сыт Чеддс-Фордом,
Ныне от сна, позволь, не восстану, пусть остывает
Печь дровяная, благодарю, что ломились
Ведро всегда от лисичек, смородины и брусники,
А по зиме чернобурки сбегались из леса
Подкармливаться на свалках

Не тяжелей мое сердце перышка чайки-баклана,
Лодка на сеновале и в поле телега тоже
Не тяжелей, чем перышко, тоже белы, прозрачны,
А городов я не видел, Владыко, только
Ветра дощатый мир, перья, витая, строят
Лестницу винтовую

За трапезой 29 августа/11 сентября

Кто ты, восходящая от пустыни
Как бы столпы дыма...

Песня Песней

Не Саломея, нет, соломинка скорей —
Просто соломинка с улицы Клязьминской,
Не стрекоза, не нагая плясунья в луче,
Зажигающем крылья стрекоз на стекле,
Не нагая плясунья — былинка Иезекииля

— Я ему говорю — молодой такой, русский-русый! —
Я ему говорю: ты бульон-то попей, пока он горячий,
Пирожки съешь потом и не ходи ты к баптистам,
Зачем тебе? Здесь, по Урицкого и налево,
Еще метров сто, и снова налево, да знаешь, наверное,
Церковь там восстанавливают —
Это там мне сказали, что нечего об исцеленье просить, —
Так вот, я ему говорю: ты сходи, сходи туда,
Может, работу дадут: лед колоть, или еще что...
А он мне: Ты ангел, да?

Ангел, а кто же? Кто ты еще, Суламифь,
Восходящая от пустыни как бы столбы дыма —
Дыма котельных... И сполохи эти, и тропы олени,
Олени глаза мерзлоты... Не европейка нежная —
Просто соломинка, просто соломинка
В неугасимом огне Его

— Ну, вот и он говорит: тридцать каких-нибудь
Лет-то осталось, ну, пятьдесят: Осипов — семинаристам
На лекции об Антихристе: вы, говорит,
Его сами с хоругвями встретите.
Фаршированный рисом с морковью
Постный перец.
— Отец Анатолий, вам чай или кофе? Компот?
А вам что, отец Константин?

Тридцать ли, пятьдесят ли, но я —
Властью мне данной — еще расскажу тебе, как
Разгоралось и снова являлось, и молоком убежало,
То снова ходило за мной по пятам, колыхалось
Лучами зелеными, словно
Соломенный смутный навес на ветру,
Сияние в Салехарде

Одушевленные

А вместо Баха и Моцарта был
Флойдовский «Animals» с транс-цен-дентальным
Лаем собачьим — о северный драйв,
Музыка сфер для тинэйджеров!
Всюду топорные видишь светила,
Думаешь, несть им числа над бараками

Так и стоишь как свирельщик у врат
В «Мире музыки» около Новослободской:
Носящийся по ветру лай —
Бранденбургский концерт твой и Страсти
По Иоанну, Матфею, носящийся по ветру лай,
Тундровый психоделический рок: перекрытия рухнули
В нотариальной подлунной конторе,
Висят, проломившись, мосты, леденеют стропила,
Висят облака отсыревшей овчиной на кольях,
Вода, как обычно, темна,
Словно выбоины в коробах теплотрасс,
И еще луннорогие цитры видны в той воде —
Добросовестной зоны жилой луннорогие цитры

Под луной

Ивану Жданову

Алтари твои, Босх, дураков корабли
И провалы морей твоих, спутник земли,
Лед и листья во льду — под светящимся льдом,
Над бетоном дождем облицованных плит,
Где не славен никто, да и жив ли пиит,
Там, за морем дождей, свой поставивший дом,
Обустроивший скит?

То коньками изрезанный лед за бортом,
То ночные под ним проплывут патрули,
И погасят огни Геркуланум, Содом,
Алтари твои, Босх, дураков корабли...

Экспозиция

Из середины жизни, сердцевины,
Из области заочной той, где лес
Зажег свои витрины, мандолины,
Висят окрест те в платящих, те без:
Крючки и кружева, ручьи муслина,
Бегущие в страну святых чудес

Везде, Иероним, твои кувшины –
Корнями вверх! И солнцем залит лес
Небесных тел. А вот еще картина:
Куда ни глянь — процессия, процесс,
Не лес — ветвисторукие руины
Горят вовсю в стране святых чудес,
И пьешь ручьи замерзшего муслина,
Крючки глотая: в платящих и без
Взошли светила — лютни, мандолины,
Но ни один не выигран процесс

Дукаты здесь зарывший Буратино
Утрату их оплакал и исчез,
И опустели наши палестины,
Но область есть, где солнцем залит лес
Небесных тел без видимой причины,
Есть повод для плетения словес,
И есть, Иероним, твои кувшины
В развалинах страны святых чудес